

По сравнению со столичным народом, собравшимся поглазеть на оживление, Фань Сянь чувствовал упадок сил. У себя в кабинете он с особой осторожностью написал несколько записок, старательно копируя аналитический отчёт Контрольной палаты и превращая его в несколько книжное, наивное суждение, высказанное в манере столичной золотой молодёжи. Всё для того, чтобы у служащих Приказа придворного этикета при этих словах не попадали челюсти, ведь они могли подумать, что в государстве Цин вдруг завелось ещё одна пугающая разведывательная служба, которая к тому же работает на скромного наблюдателя Жертвенного приказа восьмого ранга.

Фань Жожо тоже не пылала энтузиазмом. Переписывая мелким почерком записки, одновременно склеивая их вместе, она заговорила:

— Брат, это действительно странно. Откуда ты взял все эти доклады и почему ты не используешь их напрямую? Неужели нужно высказывать свои доводы так несерьёзно?

Фань Сянь редко мог что-то скрыть от младшей сестры, в этом даже Линь Вань'эр не дотягивала до Жожо. Он покривился и сказал:

— Я изначально просто поленился, поэтому хотел использовать дружескую помощь. Кто же знал, что вдруг вскроется такой загадочное и ужасающее дело? Но я не могу раскрыть источник этих сообщений, поэтому не могу прямо передать их Приказу придворного этикета.

— Кто в этот раз приехал с посольством Северной Ци? — На самом деле Фань Жожо очень радовалась, что её брат всё-таки может благородно приложить усилия в политике. Хотя с раннего детства Фань Сянь занимался её воспитанием, она всё же была девушкой, выросшей в этом мире в государстве Цин. Она всегда считала, что если блестящий молодой человек каждый день ходит в лавку готовить тофу, это, конечно, может приносить радость, но не может длиться долго.

— Не из лагеря императора, и не вдовствующей императрицы. Это люди наследного принца — человека, что живёт за счёт женщин. — Фань Сянь, раскладывая лежащие на столе доклады, продолжал легкомысленно болтать: — Это младший брат вдовствующей императрицы Северной Ци, хоу Чаннин. Я слышал, он очень талантлив. Однако в этот раз в посольстве Северной Ци не он больше всех притягивает внимание, а его учитель, известнейший человек в литературных кругах Северной Ци, по имени Чжуан Мохань, его почитают все образованные люди. Не знаю, какую цену пришлось заплатить Северной Ци, чтобы так внезапно привлечь его к службе в посольстве. Когда он начнёт высказывать свои суждения во дворце, боюсь, его величеству придётся к ним прислушаться. И, видимо, нельзя слишком прямо и жёстко требовать дани и земель у проигравшей стороны, придётся общаться с уважением.

— Чжуан Мохань? — Фань Жожо замерла, глаза её тут же засветились.

Фань Сянь, кажется, впервые увидел у сестры выражение лица фанатки. Жожо всегда была девушкой очень простой, и кроме собственного безмерно почитаемого брата, о других талантливых людях высказывалась прямо и беспристрастно. Непонятно почему Фань Сянь

слегка взревновал и сказал:

— К счастью, в этих документах чётко сказано, что Чжуан Моханю семьдесят лет, а то я бы и вправду заволновался.

Фань Жожо смущённо ответила:

— Ты же старший брат, почему ты себя так неподобающе ведёшь?

Фань Сянь рассмеялся:

— Если тебе и правда нравится этот старик, это ты себя неподобающе ведёшь. — Видя, что Фань Жожо собирается сердиться, он махнул рукой и быстро добавил: — Говоря о деле, у тебя есть какие-то идеи насчёт того, о чём мы беседовали в тот день в посёлке?

Той ясной ночью брат с сестрой на меже между полями обеспокоенно обсуждали её будущий брак. Жожо уже начала раздражаться, ведь её со всех сторон окружали молодые таланты, но ни к кому не лежала душа, поэтому она махнула рукой. В этот раз, как назло, Фань Сянь вспомнил о том случае и, нахмурившись, произнёс:

— Когда мы случайно встретили его величество, он, вроде, сказал что-то?

— Что сказал? — Фань Жожо редко можно было увидеть столь сбитой с толку, видимо, из-за пережитого тогда потрясения воспоминания у них обоих остались несколько путанные.

Фань Сянь надолго прикрыл глаза, но вдруг распахнул их, стукнул по столу и с побледневшим от волнения лицом сказал:

— Император сказал, что устроит твой брак!

— А? — Фань Жожо изрядно испугалась.

Если говорить о детях чиновников, чего они боялись больше всего? Боялись женитьбы. Если повезёт и назначенный брак будет как у Линь Вань'эр и Фань Сяня, то и хорошо. А если не повезёт, как помощнику премьер-министра в Жертвенном приказе, которого женили на принцессе с характером тигрицы, то за всю жизнь не обретёшь согласия — слишком жестоко. Из всех устроенных браков самыми пугающими были именно браки по приказу императора. Воле императора нельзя противиться, и даже если тебя выдают замуж за богатенького сына, у тебя всё равно нет возможности изменить решение.

В прежние годы семьи чиновников могли ещё послать дочь во дворец в надежде, что она заслужит милость императора, но нынешний император не был слишком охоч до женщин, так

что этот путь был закрыт. Даже наследный принц и достигший совершеннолетия второй принц не осмеливались брать много наложниц, и хотя в столице наследник имел репутацию бабника, во дворце он скромно обходился тремя наложницами.

Фань Жожо тоже вспомнила эти, казалось, сказанные невзначай слова императора, и сильно забеспокоилась, глаза наполнились слезами, и дрожащим голосом она произнесла:

— Что же тогда делать?

Фань Сянь соображал очень быстро и сразу же прикинул в уме возможности. Прищурившись, он произнёс:

— Наследный принц, второй принц, принц Цзинван. Хотя отец имеет всего лишь чин шилана, но, учитывая статус семьи Фань, думаю, император может устроить брак только с кем-то из этих троих. Если вдруг он выберет сына какого-нибудь министра, не бойся, если он тебе не понравится, у меня, естественно, найдутся средства отменить эту свадьбу.

Если назначенным женихом окажется сын министра, но сестра будет против, Фань Сянь, конечно, мог выдумать множество способов, всё-таки за ним стояла сила его отца, Чэнь Пинпина и премьер-министра. Эту «святую троицу» важнейших персон государства даже наследный принц сейчас пытался перетащить на свою сторону. Если бы не принцы, Фань Сянь был бы уверен, что сумеет расстроить любой брак, который не понравится его сестре.

Но эти трое были самым вероятным выбором. Фань Сянь немного успокоился, но вдруг не выдержал и начал ругаться:

— Этот мерзавец Ли Хунчэн целыми днями шатается по публичным домам, специально не женился, оказывается, вот чего он ждёт!

Увидев панику на лице своей сестры, Фань Сянь улыбнулся и утешил её:

— Старший принц постоянно сражается с западными варварами, говорят, он настоящий герой. Второго принца я хотя и никогда не видел, но слышал, что он поразительный персонаж. Что же касается этого подлеца, принца Цзинвана Ли Хунчэна, мы с тобой с ним уже знакомы, помимо некоторой склонности к разврату, в нём нет ничего плохого. Если в будущем ты действительно захочешь за Ли Хунчэна замуж, можешь на меня положиться, не то что в публичный дом, я даже в комнату наложницы не позволю ему заглянуть. Не волнуйся, сестра.

Не очень-то он её утешил. После такого подробного анализа Фань Жожо всё сильнее ощущала серьёзность этого дела, словно оно уже вот-вот произойдёт. Со скорбным видом она сказала:

— Брат, но я не хочу замуж ни за кого из них.

Фань Сянь вздохнул и не стал продолжать обсуждение грядущих проблем. Он мягко поддразнил её:

— Что тут плохого, в будущем, когда я увижу тебя, ты будешь какой-то там супругой, а если второй принц потом действительно станет императором, ты будешь матерью Поднебесной... Разве это не будет означать, что ты станешь моей мамой?

Шутка получилась неудачной, так что Жожо не засмеялась сквозь слёзы, и в кабинете повисло неловкое молчание. В этой тишине брат и сестра думали каждый о своём. Фань Жожо огорчалась, Фань Сянь же был полон решимости. Если в дальнейшем действительно что-то случится, он должен иметь наготове кое-какие средства.

Место проведения переговоров было не очень просторным, оно было устроено в самом большом зале Приказа придворного этикета. Между прибывшим из Северной Ци хоу и чиновниками государства Цин не было никакого длинного стола, все просто сидели друг против друга, словно на семейных посиделках. На столиках был чай, и все обсуждали дела так, словно болтали о пустяках. Фань Сянь намеренно уселся за самый дальний, самый неприметный столик и отстранённо наблюдал за этой сценой, вспоминая слово из прошлого мира — «званное чаепитие».

Хотя он номинально был помощником посла, но поскольку процесс ещё не вступил в завершающую стадию, он всё продолжал сидеть в отдалении, так что дела у чиновников Приказа придворного этикета шли неважно.

За обменом вежливыми речами скрывалась атмосфера яростного сражения, и через некоторое время разговор чиновников стал медленно переходить на повышенные тона, а задницы некоторых особо вспыльчивых министров начали отрываться от стульев.

— Ха! Даже не знаю, кто победил в войне на севере, Северная Ци или наш престол?

— раздражённо высказался регистратор шестого ранга из Приказа придворного этикета, не удержавшись и вскочив при необоснованных претензиях другой стороны.

— Война есть зло, а его величество император Великой Ци печалится о своих подданных, потому из человеколюбия прекратил войну. Победу не отделить от поражения, и как понять, кто победитель? — Если бы посол Северной Ци не был столь бесстыжим, его бы не послали в качестве пробивной силы. Видя, что этот бандит высказывается так, словно это вполне естественно, даже всегда спокойному Фань Сяню так и хотелось броситься на него и избить.

Помощник премьер-министра в Приказе придворного этикета, Синь Циу, улыбнулся, но Фань Сянь увидел в этой улыбке намёк на коварство. Коварство основывалось на уверенности, накопленной за двадцать лет победоносных войн государства Цин. Этот сановник просто сказал тихим голосом:

— Раз так, вернитесь домой, уважаемый посланник. Наши две страны сразятся ещё раз, и когда явно определится победа или поражение, не задерживаясь приезжайте для новых переговоров.

Что это было? Неприкрытая угроза, государственный терроризм в чистом виде, откровенное хулиганство.

На лице Фань Сяня не отразилось потрясения, но в глубине души он был чрезвычайно восхищён: «Помощник премьер-министра Синь действительно осмелился сказать это».

Как и следовало ожидать, после этого заявления сторона Северной Ци начала агрессивно нападать на чиновников государства Цин, обвиняя в том, что такие безрассудные речи необратимо скажутся на дружбе между двумя странами. Неожиданно помощник премьер-министра Синь продолжил спокойно говорить:

— Когда это между нашими двумя странами существовала дружба?

«Переговоры Вэй Сяобао*, наверное, проходили в таком же стиле», — Фань Сянь мысленно прищёлкнул языком. Солидный помощник премьер-министра внезапно позволяет себе нахальство в государственных переговорах — если бы государство Цин не было великой и процветающей державой, такого бы точно не могло случиться.

Переговоры в Приказе придворного этикета всегда были должным образом согласованы, на сцене маски по очереди сменяли друг друга. Как и ожидалось, поднялся другой регистратор с доброжелательным видом:

— Господа, не забывайте о своих обязанностях, не нужно поддаваться эмоциям, это повлияет на первоначальные намерения императора восстановить добрые отношения между странами.

Обе стороны в раздражении разошлись, и таким образом чаепитие было окончено. Высокопоставленные чиновники уже высказали своё мнение, и настоящая борьба за столом переговоров была передана в рабочие руки чиновникам более низкого ранга.

Просто переговоры зашли в тупик и больше не могли продвинуться вперёд. А Чжуан Мохань, великий учёный из посольства Северной Ци, после того, как поговорил со вдовствующей императрицей во дворце, очень редко показывался на люди. Фань Сянь отчасти недоумевал: этот дедуля что, в отпуск сюда приехал?

*Вэй Сяобао - главный персонаж уся-новеллы Цзинь Юна “Записки об олене и треножнике”